

ИЗ РИМА ВОЗВРАТЯСЬ...

— Такая ноша только им по плечу!

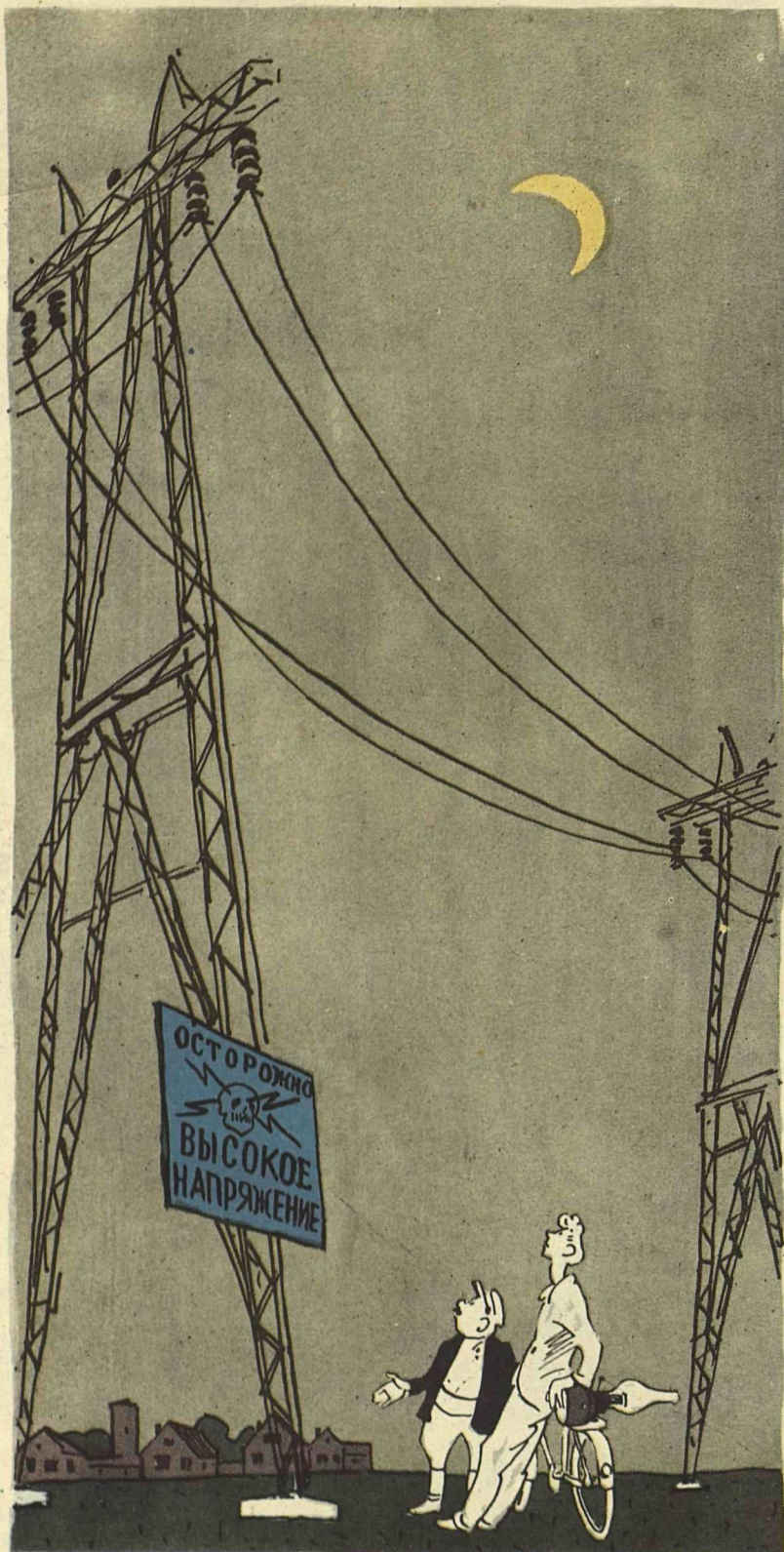
КРОКОДИЛ

№ 27 (1605)

30 СЕНТЯБРЯ 1960

Рисунок М. СОКОЛОВА.

Иногда бывает так, что колхозы, расположенные в районе электростанций, не обеспечены электроэнергией.

— Да, для нас это слишком высокое напряжение!

К ВОПРОСУ О МЕСТНЫХ РЕСУРСАХ

Чтоб переделать в школе печь,
Достать потребовалось глину.
Завхоз сказал:
— О чем тут речь!
Сейчас пошлем за ней машину.

Шофера мигом вызвал он:
— Готовь свой «газ» к дороге длинной:
Сейчас в Гончаркинский район
Поедешь с грузчиком за глиной!

Шофер ушел.
А через час

Вернулся, зол и озабочен.
— Мой «газик» у ворот завяз:
Уж почва глиниста здесь очень,
Она размокла под дождем,
И вот испортилась дорога...

Завхоз смирился:
— Подождем,
Пускай обветрится немного.

Игорь МАРТЬЯНОВ

Три миге

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ ДОСКА

В явном недоумении застыли дети:

— Ну и диковина!

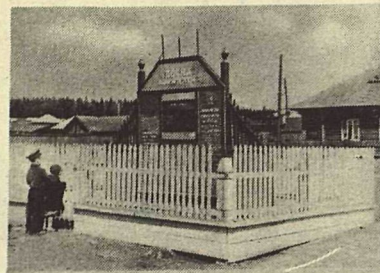
За аккуратно лобеленным набором стоит облупившаяся доска показателей соревнования Каквинского участка Серовской сплавной конторы... за 1958 год.

Не знают мальчишки, сколько красивых слов произнесли при закладке сего уникального сооружения начальником участка тов. Куценко и председатель местного комитета тов. Батрутдинов.

Минуло два года с тех дней. Пришла, кажется, пора переименовать доску. К примеру, назвать ее так: «Доска показателей того, как не надо относиться к соревнованию».

А. КРОПОТОВ

г. Серов, Свердловской обл.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Мне стало известно: пока я готовил эту заметку в печать, забор сломали и доску убрали. Таким образом, вопрос о соревновании решился просто.

Гор. СВЕРДЛОВСК, КНИЖНЫЙ МАГАЗИН № 1, ОТДЕЛ «КНИГА — ПОЧТОЙ»

Уважаемые товарищи!

Только что получил рассылаемый вами список литературы, которая у вас имеется. Приятно изумлен, обнаружив в нем ряд произведений, доселе неизвестных даже самым дотошным литературоведам.

К примеру, «Разин Степан» Чаплыгина. По моим сведениям, этот роман написал не Чаплыгин, а Чапыгин. Может, мои сведения устарели? Весьма заинтриговал меня и «Фрегат «Паллада», который обозначен в вашем списке как произведение безымянного автора. Но, конечно, с особым волнением я прочитал 3-й пункт обширного списка, где черным по белому напечатано:

«Л. ТОЛСТОЙ Анна Каренина цена 15 р. 80 к.
Петр Первый » 13 р. 80 к.
Воскресение » 7 р. 70 к.»

То-то радость для читателей! Значит, первого «Петра Первого» написал Лев Николаевич, а у Алексея Николаевича — это уже второй «Петр Первый»?! Дайте же мне насладиться новооткрытым творением любимого классика и пристыдить наших литературоведов! Шлите первого «Петра Первого» самым переналоженным платежом!

С совершенным почтением и нетерпением

КРОКОДИЛ

ЭХ, ДОМИК!

Деревянный дом-временка № 13 по Первому Мосфильмовскому переулку, где мы — увы — проживаем, похож на угасающего старца. Строили лет на десять. Выстоял двадцать пять! Без ремонта! При ветре силой балла этак в четыре чувствуем себя, как на балу. Все вокруг танцует. Почти до упаду.

Жилотдел Московского западного речного порта, которому принадлежит домишко-старец, чтобы скрасить его последние дни, решил пожертвовать на ремонт 40 тысяч

рублей. Начали ломать старые деревянные печи и проводить газовое отопление.

Хилый домишко не выдержал этой ремонтной вакханалии — окончательно перекошились полы. Окончательно не закрываются двери.

Довели доминок!

И. ВЛАСОВ,
Д. БЛЮМЕНШТРАУХ,
И. САМОХИН

Москва.

Лиловый факт

Из станиц Терновской, Краснодарского края, от своей читательницы Анны Васильевны Зверевой Крокодил получил посылочку. И в ней такая славеньская на вид косынка. Лиловая, с белым горошком. А на этикетке пропечатано: «Абхазское отделение «ГРУЗОГа». Сухумское У. П. П. Сорт I».

Однако в сопроводительном письме Анны Васильевны про ту славеньскую косынку были написаны нехорошие вещи.

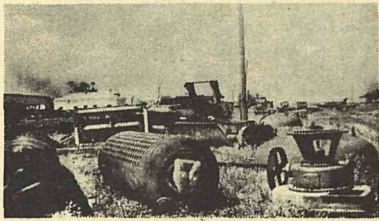
— Ну, что же,— сказал Крокодил, ознакомившись с обвинительным актом.— Доверять доверяй, а между прочим, проверай.

И, надев, как полагается, косынку, он вышел на осенний мелкий дождичек.

Как видите, в результате самоотверженной проверки факт полностью подтвердился: на «перво-сортном» изделии с маркой Сухумского У. П. П. лиловая краска держится плохо, зато к лицам и платьям покупательниц пристает очень крепко.

Что же касается красной краски стыда, то ее на лицах бракоделов, очевидно, не наблюдается.

ФОТОЗАГАДКА

Взгляни, читатель, на этот снимок и попробуй ответить на следующие вопросы:

1. Что это за машины?
2. Где они находятся?
3. Как долго они здесь находятся?

4. Почему они здесь находятся?
5. Как долго еще будут здесь находиться?

ОТВЕТЫ:

1. Оборудование для производства силикатного кирпича стоимостью около четырехсот тысяч рублей, предназначенное для совхоза «Комсомольский», Кустанайской области.
2. На станции Айдырля, Оренбургской области.
3. По скромным подсчетам, в течение 5 лет.
4. Потому что Министерство сельского хозяйства Казахской ССР никак не может решить вопрос: что с ними делать?
5. Пона не попадут в поле зрения прокуратуры.

ГУЛЯШ КУРИНЫЙ

(Из новых рецептов)

Хорошо откормленных молодых петушков погрузите в клетки-ящики и везите из птицевосхоза Куйбышевского района, Новосибирской области, сначала машинами, а потом по железной дороге не ближе чем за двести километров, например в город Татарск, той же области.

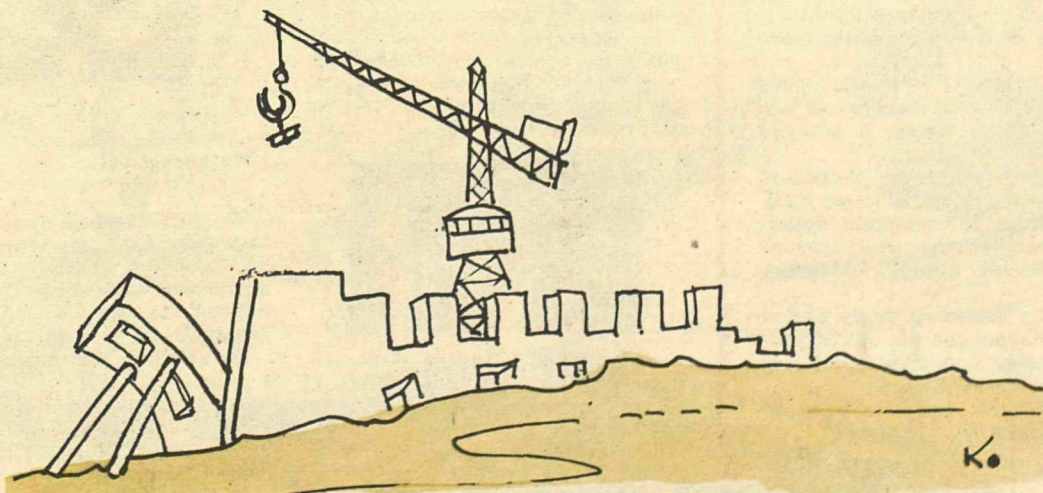
Сдайте оставшуюся в живых птицу в цех убоя татарского птицекомбината. Получите тушки, грузите их и везите на той же скорости и за те же двести километров обратно в ледник Куйбышевского мясокомбината.

В остальном технология приготовления гуляша остается прежней (см. книгу «О вкусной и здоровой пище»).

Гуляш куриный по-новосибирски — фирменное блюдо областного совнархоза, который похоронил не меньше трех решений о постройке цеха убоя птицы на месте, в Куйбышевском мясокомбинате.

С. КУПРИАНОВ

Куйбышевский район, Новосибирской области.

— Можете не волноваться, милые, гнездо-то строю я, а не СМУ...

РЕФЛЕКСЫ МИСТЕРА СУЛЬЦБЕРГЕРА

О ЧЕХОВСКОМ телеграфисте Яте одна девица говорила, что «они хотят свою образованность показать». То же самое говорят американские журналисты о своем собрате мистере Сульцберgere, корреспонденте газеты «Нью-Йорк таймс».

Сульцбергер ужасно образован. Он невыносимо образован. Он, например, знает, что был в России замечательный ученый Иван Петрович Павлов, изучавший рефлекс у собак. Мистер Сульцбергер слышал звон. Но откуда идет этот звон, он не знает. Он усвоил лишь то, что по сигнальному звонку подопытные собаки приходят в возбуждение. На этом основании он и сделал свое удивительное открытие.

Сульцбергер утверждает, что когда в Москве делают политические заявления, то в Америке наблюдаются условные рефлексы у двуногих. На этом, как говорит Сульцбергер, и основана пропаганда и политика Советского правительства. Оно будто бы по своему желанию вызывает у американского народа то возбуждение, то торможение. А в общем, злонамеренно портит нервы американцев, или, научно выражаясь, расстраивает их нервную систему.

Именно этим высокообразованный Сульцбергер в мае нынешнего года объяснил провал совещания глав правительств в Париже. Он писал, что якобы приемы советской пропаганды «основаны на открытиях русского ученого Павлова, который испытывал срыв нервной чувствительности животных в результате чередования положительных и отрицательных сигналов. Психологическая война, которую ведет Москва, следует этой методике... Мы должны воспользоваться указанием, которое дают эксперименты Павлова с собаками, и не впадать в чрезмерную тревогу». Мы думаем, что не совсем патристично со стороны американского журналиста рассматривать своих соотечественников как подопытных четвероногих. По-видимому, корреспондент «Нью-Йорк таймс» судит о своих соотечественниках по самому себе, по своей спо-

собности к условным рефлексам. Против этого мы ничего возразить не можем.

Перед процессом американского шпиона-летчика Пауэрса Сульцбергер в своей газете высказал предположение, что Пауэрс был «обработан», как собака, по методу Павлова. Неимверная эрудиция Сульцбергера была оценена по достоинству. Ее оценил в чужом отечестве, в Англии, доктор Уильям Сарджент и в своем отечестве — американский ученый Кейт Гленнан.

Говорят, что нет в мире такого дурака, который не нашел бы человека глупее себя. То же происходит и в мире космической глупистики. Сульцбергер нашел англичанина Сарджента, а тот — американца Гленнана. Эти сверхобразованные мужи пошли еще дальше Сульцбергера. Они заявили, что Советский Союз запускает свои спутники и лунники с единственной целью — вызвать попеременно условные рефлексы возбуждения и угнетения у американского народа так, чтобы он в конце концов совершенно обалдел. При этом они опять-таки ссылались на учение Павлова.

И снова мы ничего не скажем об американском народе, но думаем, что Сарджент и Гленнан судят о нем по своим собственным рефлексам. Они действительно находятся в состоянии обалдения.

Не подлежит сомнению одно. Как Сульцбергер, так и его единомышленники в высшей степени пригодны для проверки на них учения об условных рефлексах. Они чрезвычайно чутко реагируют на сигналы.

Сульцбергеру, конечно, известно, какую роль играет выделение слюны у подопытных собак при производстве над ними экспериментов. Собаки выделяют много слюны при возбуждении и очень мало при торможении или угнетении. Слюну измеряют количеством капель в пробирках.

Пусть извинит нас Сульцбергер, но он сам себя поставил в положение подопытного журналиста. Слюна его измеряется не каплями, а строчками и собирается не в пробирках, а в корреспонденциях. Когда Москва запускает в космос новый спутник, то об условном рефлексе мистера Сульц-

бергера можно судить по ядовитой слюне в его корреспонденциях. Если наш эксперимент удачен, то его корреспонденция многострочна и ее химический анализ показывает в ней большую примесь яда. Десяти строчек такой статьи достаточно, чтобы отравить большую подопытную крысу.

Одаренность Сульцбергера по части условных рефлексов делает его ценным показателем при проверке материалов наших научных экспериментов, в частности полета второго космического корабля. Попробуем сопоставить некоторые данные о поведении Стрелки и Белки, с одной стороны, и мистера Сульцбергера (назовем его ласкательно Сульчик) — с другой стороны.

Температура и пульс у Белки и Стрелки до полета и после полета нормальные. У Сульчика до полета температура и пульс нормальные, после полета — лихорадочное возбуждение. Обильное выделение слюны, судороги.

Поведение Стрелки и Белки после полета веселое, резвое, бодрое: ласкались к людям, радостно лаяли, оживленно виляли хвостиками.

У Сульчика настроение глубоко подавленное: злое ворчание, хвост поджат, пытался броситься на советских ученых.

Картина, как видим, выразительная, убедительная, поучительная. Совершенно ясно, что при дальнейших запусках советских кораблей в космос необходимо наблюдение над подопытными животными дополнить визуальным наблюдением над мистером Сульцбергером. Он не может обижаться на нас за то, что мы поместили его в один ряд со Стрелкой и Белкой. Ведь это он сам поставил своих соотечественников в один ряд с четвероногими при изучении условных рефлексов по Павлову. Если он теперь постарается глубже изучить труды знаменитого русского исследователя, то мы будем считать, что достигли своей цели и дали толчок развитию науки в редакции газеты «Нью-Йорк таймс».

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Ошибка крокодила

Агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл передало недавно сообщение, которое не могло не привлечь моего внимания.

«Хартум. В пятницу ночью из Нила вылез крокодил длиной в шесть футов. Он пересек Найл-авеню — одну из самых оживленных улиц Хартума — и вполз в здание министерства иностранных дел. Шофер такси, видевший это, поставил в известность полицию».

Далее события развертывались так. Полиция подняла тревогу, здание министерства было оцеплено. Решили ждать рассвета. Но утром крокодила нигде не нашли. Он исчез.

«Полиция полагает, — пишет корреспондент агентства, — что пребывание на берегу утомило рептилию и она вернулась в реку». В связи с тем, что мною недавно было предпринято путешествие по Африке и на меня могут пасть подозрения, официально сообщая, что это был не я.

Вместе с тем кое-что могу уточнить. Крокодил вернулся в реку и никого не тронул потому, что убедился в своей ошибке: не там он вылез на берег, не в той стране. Плыл ночью и потерял ориентировку.

Хартум — столица Судана, молодой независимой африканской республики. А крокодил держал путь в Уганду, английскую колонию, чтобы слобпать тамошнего губернатора и некоторых других видных колонизаторов. Они наотрез отказываются предоставить народу Уганды независимость, по-прежнему проводя политику угнетения и произвола.

Если бы мой африканский родственник вылез на берег там, а не в Хартуме, он без трофеев назад не вернулся бы. Но, повторяю, произошла ошибка, крокодил попал не в ту страну, не в то министерство. Молодой он, наверно, был и неопытный.

Но я надеюсь на успехи своего собрата. Буду следить за дальнейшими телеграммами Юнайтед Пресс Интернейшнл.

КРОКОДИЛ

На шутилой волне

(ИЗ ИНОСТРАННОГО ЮМОРА)

Один человек повадился красть деньги в церкви. Чтобы успокоить свою совесть, он, входя в церковь, говорил:

— Святая дева Мария, могу ли я, бедный человек, взять эти деньги?

И сам себе отвечал женским голосом за деву Марию:

— Можешь, можешь, бедняк.

Священник решил изловить вора и ночью спрятался в церкви.

— О, святая Мария, могу ли я взять эти деньги? — произнес вор.

— Никим образом, мерзавец ты этакий! — из темноты ответил басом священник.

— Господин Христос, — сказал вор, — ну что вы вмешиваетесь в чужие разговоры! Вас же никто не спрашивал!

И, взяв деньги, ушел.

Старый кюре решил совершить прогулку по морю в лодочке

знакомого рыбака. Море разгулялось, поднялись волны.

— Господин кюре, — сказал рыбак, — боюсь, что настал час отдать душу на попечение бога. Если через пять минут буря не утихнет, мы будем в раю.

— Боже, — воскликнул испуганный кюре, — огради нас от подобного несчастья!

Молодой шофер купил машину. Торговец впридачу подарил ему изображение святого Христофа, заступника шоферов. Во время первой же прогулки машина перевернулась, и водитель погиб.

Он вошел в рай с револьвером в руке.

— Вы что, дружище, с ума сошли? Зачем вам в раю револьвер? — воскликнул удивленный святой Петр.

— Я хотел бы побеседовать с неким месье по имени Христоф.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

«Две точки зрения на мировые события явственно противостоят одна другой уже в первые послевоенные годы. Одна линия шла на разрядку международной напряженности, прекращение гонки вооружений, развитие международного сотрудничества и исключение войн из жизни общества... Но есть вторая линия, и мы не имеем права молчать о ней. Это — линия на разжигание «холодной войны»...».

(Из выступления Н. С. ХРУЩЕВА на XV сессии Генеральной Ассамблеи).

Линия мира.

«...Внимательно слушал выступление президента, я ни слова не услышал о самолете «У-2»... Чем это объяснить? Может быть, президент забыл об этом самолете?»

(Из выступления Н. С. ХРУЩЕВА на XV сессии Генеральной Ассамблеи).

Рисунок Бориса ЛЕО.

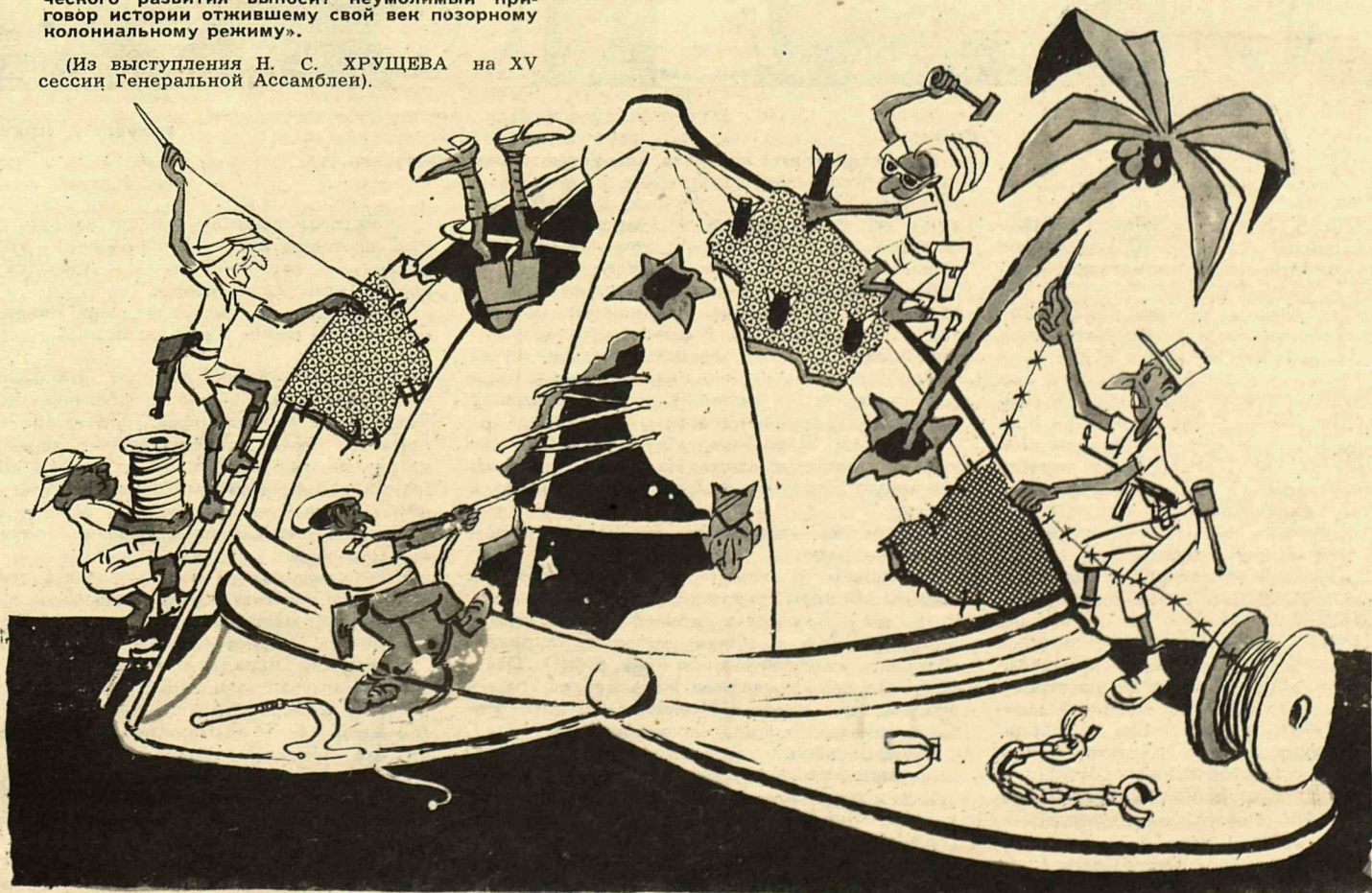

Фигура У-молчания.

«Весь ход жизни, экономического и политического развития выносит неумолимый приговор истории отжившему свой век позорному колониальному режиму».

(Из выступления Н. С. ХРУЩЕВА на XV сессии Генеральной Ассамблеи).

Рисунок М. УШАЦА и Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Тщетные потуги колонизаторов.

ПОЛПРЕМИИ ИНЖЕНЕРА КУСЕМБАЕВА

Ам жаль тех наших читателей, которым не пришлось видеть Соколовско-Сарбайские рудники во всем их великолепии. Когда мы стояли на нижней отметке гигантского котлована и попирали ногой вскрытый пласт железной руды, наше шефское сердце замирало от гордости.

С непривычки мы даже оробели и не стыдимся в этом признаться.

Так и хотелось почесать в затылке и произнести что-нибудь глубокомысленное: «Эка наворотили!»

А «наворотили» наши подшефные действительно много. План полугодия, например, они перевыполнили по всем показателям. По этому случаю мы шлем свои поздравления и приветы всем рабочим, инженерам... Впрочем, стоп! Что касается инженеров, то некоторых мы пока не поздравляем. В частности, главного инженера комбината тов. Кусембаева мы поздравляем только наполовину и шлем ему 50% привета.

На такую необычную форму признания заслуг нас надоумил Кустанайский совнархоз. Присуждая комбинату первое место и зная Совета Министров республики, совнархоз выделит тов. Кусембаева среди всех прочих и

«ДС-1000» — многоэтажный заводской цех, поставленный на железнодорожную колею, со всеми его агрегатами и моторами.

Два года собирали эту двухтысячетонную машину. Два года перевозили в ее лице новую технику и рисовали радужное будущее. Колоссальная производительность! Сотни освобожденных автомашин! Каждые пятнадцать минут — нагруженный железнодорожный состав!

А когда собрали и пустили в ход, выяснилось, что инженерная мысль тов. Кусембаева внесла существенную поправку в рабочий цикл экскаватора.

Мы сидим в капитанской рубке «ДС-1000» и ведем неторопливую беседу с бригадиром машинистов Николаем Даниловичем Городничим. Торопиться нам некуда. Только что ушла заполненная «вертушка», а следующая придет... часа через полтора. Таков своеобразный ритм, установленный для экскаватора на Соколовском руднике.

— Нелепо, — говорит Городничий, — но факт. За двенадцатичасовую смену мы два часа работаем и десять стоим. На мои тридцать три ковша установлен такой же план, как и на обычный четырехкубовый экскаватор. Но и этот куцый план я выполнить не могу. Не про-

мола Рудного, получив премию, не знали, что делать: то ли плясать, то ли рыдать.

Эту раздвоенность чувств мы поймем, если познакомимся с разработанными в Рудном скоростными приемами превращения отличных металлических изделий в пищу для мартенов.

Как-то привезли на завод крупных стеновых блоков большую партию ценнейшей арматуры. Сгрузили ее вместе с фасонными деталями на площадку, и стала она ждать хозяйских рук.

Прошло некоторое время, и площадка вдруг понадобилась для других целей. Что делать? В Рудном церемониться не привыкли. Хозяйские руки пригнали бульдозер, и тот в несколько заездов смешал, сдвинул и сгреб всю арматуру в бесформенную гору первосортного лома.

К чести комсомольцев нужно сказать, что они возмущались, протестовали, даже обращались к прокурору. Но виновников не нашли.

Вообще же ребятам Рудного повезло. В поисках лома им не приходится копаться в старых кучах и завалах. Они являются хотя бы на территорию той же строящейся ТЭЦ и находят столько бесхозного металла, сколько могут увезти. Кстати, занимаются этим промыслом не только дети. Если присмотреться к некото-

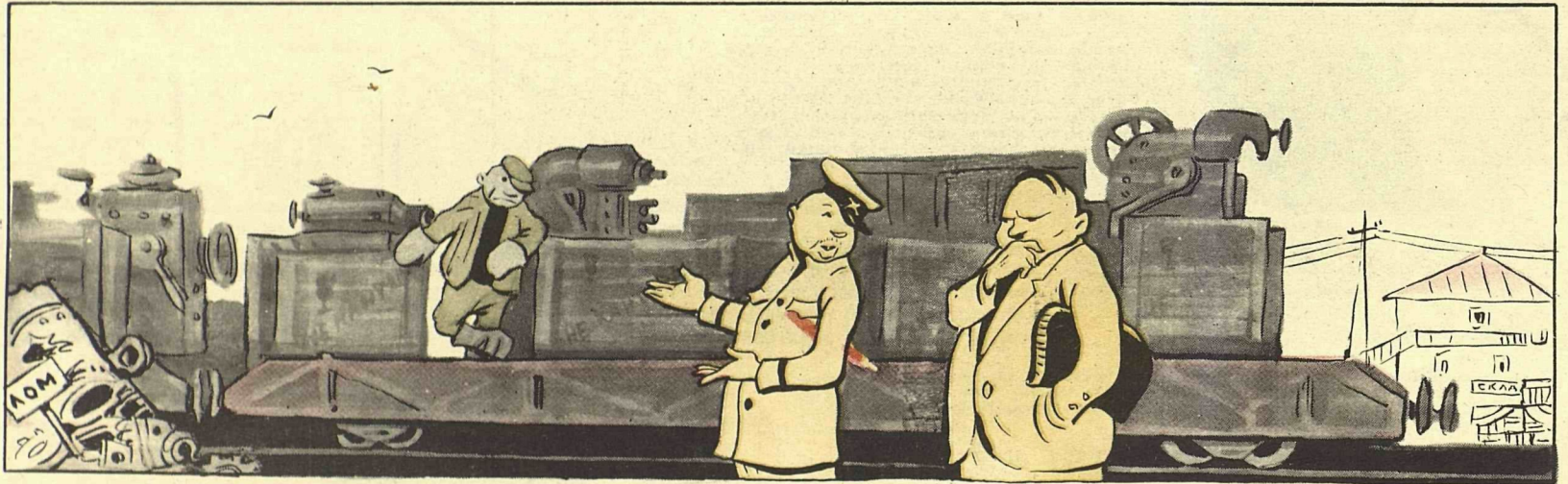

Рисунок А. ЦВЕТКОВА.

— Куда отправлять: на склад или прямо в металлолом?

выдал ему только полпремии. Вторая половина была удержана за... пренебрежительное отношение к внедрению в производство новой техники.

Эта половина премии бросает на главного инженера загадочную тень. С одной стороны, вроде бы отмечены его успехи, а с другой — вполне определенно подчеркнуты его грубые ошибки. Иначе говоря, выглядит тов. Кусембаев так, будто вынесли ему в приказе полблагодарности и целый выговор. Причем полблагодарности он делит с хорошо поработавшим коллективом, а вот выговор принадлежит ему целиком.

Как же выглядит на деле половина премии, удержанная у главного инженера?

Сначала мы искали ответ на этот вопрос в аппарате тов. Кусембаева, у его помощников по вопросам новой техники. Мы пожелали взглянуть на план тех мероприятий, которые так успешно не были внедрены в производство. Аппарат охотно пошел нам навстречу. План усердно искали в столах, шкафах и ящиках. Искали долго и упорно, пока не убедились, что проклятый план куда-то запропастился.

Тронутые вниманием ревнителей новой техники, мы отправились на рудник. Здесь достижения главного инженера по линии технического прогресса предстали перед нами грубо и зримо.

Мы увидели знаменитый экскаватор

думан ни фронт работы, ни транспортировка... Сколько раз говорилось об этом анекдоте на разных совещаниях — и никакого толку!

Здесь же, на руднике, нас познакомили с образцами автоматики, внедренной по методу тов. Кусембаева. Вместо централизованной блокировки на железнодорожных путях внедрены живые стрелочки. И стоят они (сколо трехсот человек!) как воплощение творческих дерзаний главного инженера.

Нет, тов. Кусембаев, не можем мы поздравить вас с успехами. На вашем месте мы и первую половину премии вернули бы в кассу.

Полпремии — это плохо. Но бывает, что и целая не радость. Редко, но случается.

Расскажем о том, как Рудный утер нос многим городам со столетними биографиями. Когда он включился в соревнование по сбору лома, нашлись скептики, которые твердили: «Рановато нам заниматься этим делом. Откуда у нас лом, когда нам от роду три года и все у нас новенькое, с иголочки? Для того, чтобы наломать, тоже ведь время нужно».

Однако свершилось чудо: в 1959 году Рудный вышел по сбору металлолома на первое место в республике. Ему даже премию присудили. Первую! Целую!

Старые, большие города, кропотливо собиравшие в течение десятилетий помятые ведра и проржавевшие трубы, сконфуженно отошли на второй план. А в горьком комсо-

рым частным гаражам, можно увидеть отличную листовую сталь, безвременно утилизированную автолюбителями. Делается это просто: приходят и уносят...

Старожилы рассказывают, что однажды в металлолом своим ходом ушел целый электровоз.

Народная мудрость уверяет, что «нет худа без добра». Рудненские скоростники считают, что и в их металлоломной деятельности содержится некое положительное зерно. Так, на деньги, вырученные за собранный металл, группа школьников смогла совершить общеобразовательную экскурсию в Москву и Ленинград. Пригодилась и премия, полученная комсомольцами города.

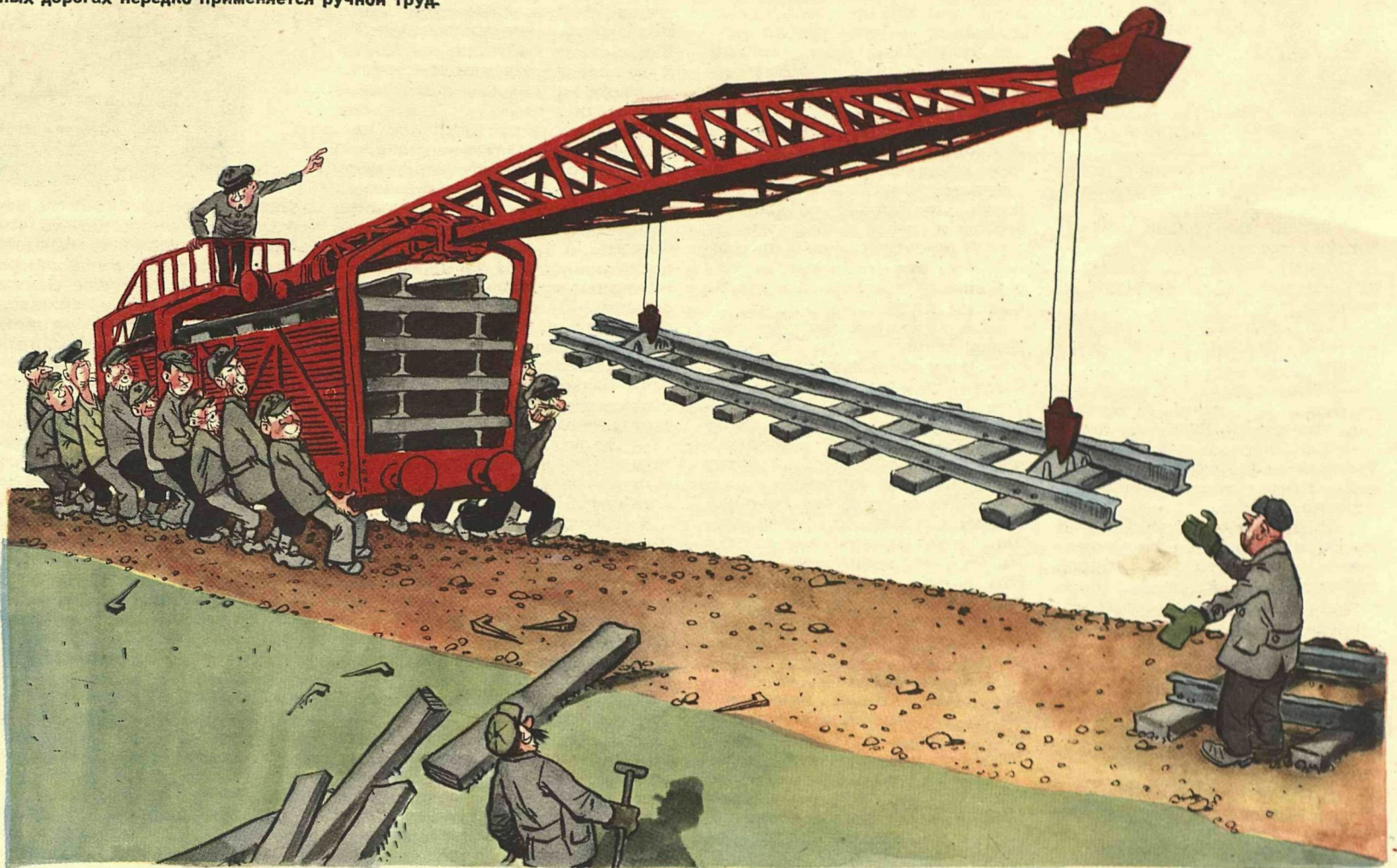
Если в нынешнем году удастся пустить на слом сотню экскаваторов, автомашин и бульдозеров, то можно будет даже дошкольников обеспечить персональными мотороллерами.

Молодости наряду с неумной энергией и пылким энтузиазмом свойственна и некоторая легкость мыслей. Трехлетнему Рудному многое можно было бы простить. Но беда в том, что его юностью прикрывают свои грехи вполне взрослые администраторы, коим и по годам и по чинам давно пора бы отличать бесхозяйственность от деловитости и фунт лиха от пуда добрых обязательств.

М. ЛАНСКОЙ,
специальный корреспондент Крокодила,
г. Рудный, Кустанайской области.

УМОИХ
ПОДШЕФНЫХ

Полумеханизация на полном ходу.

НОС

ГОВОРЯТ, что когда-то чувствительный нос Аркадия Ивановича Комкова улавливал в домашней обстановке самые малейшие запахи. Едва, скажем, чуть-чуть запахнет подгорелым блином, как обладатель носа начинал завидовать тому гоголевскому коллежскому асессору, который, утратив нос, очевидно, утратил и обоняние.

И вдруг произошло необычное: столь восприимчивый нос потерял всякую способность различать запахи. Эта любопытная перемена была замечена вскорости после того, как Аркадий Иванович был назначен директором Калининского комбината искусственного волокна.

С той поры другим стал человек. Приходит домой и, к удивлению супруги, никакого внимания к запахам. На плите ли что-нибудь подгорело или мылом несет от стиральной машины — ему хоть бы что.

Самокритичная жена иной раз начнет извиняться:

— Вот досада: опять караса пережарила!

А муж молчит, будто нос ему подменили.

Терпела-терпела жена, не вытерпела:

— Не хронический ли насморк приключился? Подумать только, уже который месяц нос твой ничегошеньки не чувствует!

И в самом деле, та особенная чувствительность, которой в былые времена славился нос Аркадия Ивановича, покинула его и распространилась на носы тысяч жителей города Калининна и окрестных сел. Бесчисленные носы, словно сговорившись, раздраженно морщатся, когда со стороны возглавляемого Аркадием Ивановичем производства подует хотя бы маленький ветер. Правда, иногда калининцы говорят ветру спасибо за то, что он предусмотрительно дует в противоположную сторону.

Поневоле будешь благодарить природную стихию, коль вот уж много лет подряд санитарные врачи сочиняют акты с досадными словами: «Даже в десяти километрах от комбината воздух загрязнен газами (сероводород) в десять — двадцать раз больше допустимой концентрации».

Человек с нормальным носом, конечно, встревожился бы, но Аркадий Иванович смотрит на бумагу с привычной брезгливостью, будто именно она, достоверная бумага врачей, источник порчи воздуха.

Тем временем, как и полагается в жизни, все течет, все изменяется. Только эти злосчастные акты без перемен.

Помнится, лет пять назад Аркадий Иванович обещал на разных совещаниях:

— Загазованность обсудим!

Минули годы, а слова и ныне те же:

— Обсудим загазованность!

И верно, обсуждают. Но обсуждают так, что газовые отходы с этим ничуть не считаются. Они по-прежнему вылетают из десятков труб, и эта самая, будь она неладна, загазованность — и дню и ночью, хоть нос затыкай.

Чем гуще газовый туман в городе, тем больше хочется знать калининцам о судьбе средств и материалов, предусмотренных на установки по улавливанию и переработке газов. И что же? Оказывается, и средства и материалы, позабытые-позаброшенные, ждут не дождутся, когда же наконец про них всерьез вспомнят на комбинате, в совнархозе и во Всесоюзном научно-исследовательском институте синтетических волокон. Но всерьез что-то никак не получается.

Петр ДУДОЧКИН

г. Калинин.

Разденысь всяк сюда входящий...

Где висит эта табличка? Вы думаете, в грязелечебнице? Или в душе? А может быть, в парном отделении бани? Нет, ни то, ни се и ни другое. Вышеприведенная надпись красуется в столовой. Этот пиццблэк не призван осуществлять подкормку снежного человека. Он рассчитан на современных людей. Поэтому он находится не в предгорьях Гималаев, а в районном центре Красноярского края — Большая Мурта. А что, может быть, борщ, изготовленный в этой столовой, лучше принимать нагишом? Может, он так-то вкуснее?..

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ХАРАКТЕРИСТИКА

Дана домоуправлением № 7 Гатчинского горжилуправления горисполкома гор. Гатчина на гр-на БАЗЫРИНА Ивана Алексеевича, работающего рабочим кладбища Гатчинского горкомхоза отдела благоустройства.

За период его работы в кладбище в домоуправление № 7 никаких заявлений не поступало за нарушение им в кладбище, или оскорбления в нетрезвом виде, а также от жильцов кладбища и жильцов соседней Бельгийского переулка. С нашей стороны домоуправления замечаний не было обнаружено.

Настоящую характеристику подтверждаю Участковый уполномоченный отдела милиции Гатчинского горисполкома ст. лейтенант милиции (Хроменков) — подпись
Управдомами (Ананьева) — подпись, печать.

Копию снял Л. ФЕДОРОВ.

МОЕГО папу потянуло на землю. Раньше он не любил природу. Теперь он рвется за город. Он хочет сажать деревья, выращивать помидоры и огурцы. Ему хочется кушать свои фрукты.

Папа подал заявление и ждет, пока ему дадут кусок земли в коллективном саду.

— Пусть мне только отвалят восемь соток, — сказал папа. — Я разведу такой сад, что соседи-сослуживцы позеленеют от зависти.

— Не хвастай, — сказала мама. — Не люблю, когда хвастают.

— Факт, разведи! И все у меня будет по науке. Я завалю вас фруктами. Ешь — не хочу!

— Ты станешь опытным? Ты выведешь новый сорт яблок — «лепид васюковский»? — спросила Лялька.

— А ты не ехидничай! Если Васюков возьмется по-настоящему, он даст сто очков вперед любому опытнику.

Папа выписал журнал «Сад и огород». После работы он ложился на диван и начинал читать, то и дело окликавая маму.

— Знаешь, какие яблоки мы посадим?

— Антоновку.

— Вот и не угадала. «Осеннее полосатое!»

Минуту спустя он кричал:

— Придется купить преципитат!

— Это что, яблоки такие?

— Скажешь тоже! Фосфорное удобрение! Преципитат — основа урожая!

Иногда он говорил совсем непонятные вещи, вроде: «Внесение сульфат-аммония натрия — залог успеха», «Будем оберегать вас рапсового клопа».

Потом он начал приносить домой разный инвентарь: кривые садовые ножи, сучкорез, шпалерные ножницы, цапку, сажальную вилку, — пока не завалил ими весь угол кухни.

— Ты еще трактор притащи! — рассердилась мама.

— Я не буду ковырять землю

заостренной палкой! — ответил папа и в тот же день назло притащил веерные грабли, ручной культиватор и два капкана: модель «Б-1» для мышей и модель «В-1» для кротов.

Наконец папе отвели индивидуальные сотки в будущем коллективном саду. Мы поехали на них смотреть. Сотки маме не очень-то понравились. На них росли две кривые, ободранные березы и почти не было травы.

— Я чувствую, — сказала мама, — что эти сотки влетят нам в большие тысячи. К тому же они на бугре.

— А чем плох бугор? — обиделся папа.

— Всем дали сотки в долине. Одному тебе на бугре.

— Ну и что?

— Я не хочу всегда быть на виду. Не хочу, как сумасшедшая, бегать с лопатой по бугру на посмешище людям!

— Каждому нормальному человеку понятно, что бугор лучше низины, — сказал папа. — На нем не скапливается вода. Это самый богатый участок во всей округе.

На бугре папа построил домик. Совсем маленький. Домик с пальчик.

— Васюковская дача! — сказала мама. — Наша загородная вила. Хоромы! В таких хоромах только папиросы продавать!

— Дай срок, будут и хоромы, — ответил папа. — Пока это временка. На данном этапе важен не дом, важны посадки. Посадки — вот главное звено. За него и нужно ухватиться.

И папа хватался за лопату и начинал рыть землю на нашем дорогом бугре. Мама не рыла. Она сказала, что не притронется к земле. Не верит она в папин сад. Не верит в новопосадки. Ни черта у нас не вырастет, голову она дает на отсечение. Мы только истратим деньги на саженцы и на знаменитый папин преципитат и взамен получим шпиль!

Мама сидела на крыльчке и смотрела, как папа ковыряет землю универсальной садовой лопатой. Все папины сослужив-

цы вокруг нас тоже копались в земле. В выходные дни они приезжали целыми семьями: жены, дети, бабушки, дедушки и разные родственники — десятая вода на киселе — и все скопом рыли землю.

— Ты обрати внимание на Верзилина, — смеялся папа. — Кто бы мог подумать, что у него такие способности к физическому труду! И его мадам рвет и мечет, не боится маникюр испортить. А когда его хотели послать в колхоз на картошку, он приволок целый портфель справок. У него и гастрит, и радикулит, и менингит, и сердечный клапан не работает.

— У Верзилиных все вырастет, — вздыхала мама. — Они-то оправдают свои расходы. А нас этот участок пустит по миру.

— За рентабельность я ручаюсь, — сказал папа. — Мы окупим все расходы и еще будем в прибылях.

— Интересно знать, что же принесет нам прибыль?

— Ягодник! — ответил папа.

— Что же ты такое посадишь?

— Финик зеленый, — ответил папа.

— А бананы ты не посадишь?

— Кокосовые орехи он посадит, — сказал я.

— За эту реплику стоит дать по шее, — сказал папа. — Но я не хочу себе поргить настроение телесными наказаниями. Финик зеленый, темные вы люди, — это сорт крыжовника. Выдающийся по урожайности крупноплодный сорт. Кусты его сохраняют способность плодоносить больше тридцати лет, так что на наш век хватит. И еще мы посадим боскопского великана. На него я и делаю основную ставку. Боскопский великан — один из лучших сортов черной смородины. Он даже лучше Голиафа и Лии плодородной. На рынке его с руками оторвут...

В следующее воскресенье папа привез полмашины саженцев. Я думал, что увижу опромные, великанские кусты. Не тут-то было! Прутики были не

выше моего роста. В тот же вечер папа начал их сажать. Он работал до поздней ночи. Последние ямки он выкапывал при свете луны. У него уже совсем не было сил, он чудом держался на ногах. В три часа ночи папа закончил посадки и повалился на постель. Мама сняла с него ботинки, и он заснул с валидолом в зубах.

Утром мы увидели, какую работу проделал папа. Он перекопал все сотки. Везде лежали холмики земли. Всюду торчали прутики.

Лялька, которая приехала к обеду, просто глаза вытаращила.

— Что ты наделал! — сказала она. — Зачем засадил весь участок? Кусочка травки не оставил. Даже лечь негде!

— Кто хочет лежать — пусть отправляется в лес, на речку, на колхозный луг. Здесь плодоягодный сад! Из земли надо выжать все, что она может дать. Каждый сантиметр площади — это деньги. Глупо оставлять ее пустующей!

— В тебе забушевал собственник! — сказала Лялька.

— Напиши об этом письмо в газету. Разоблачи родителей. Одновременно можешь от нас отказаться...

Так мы начали растить боскопского великана. На следующий год папа не поехал в отпуск. Мы перебрались в домик с пальчик. Папа стал настоящим землепашцем. По утрам он босой выходил во двор и, приложив руку к глазам, говорил:

— Чего нынче ждать: ведра аль дождичка? Нужен дождичек, ядрена корень!

Вечерами к нам приходил дед из соседней деревни, с которым папа познакомился в пристан-

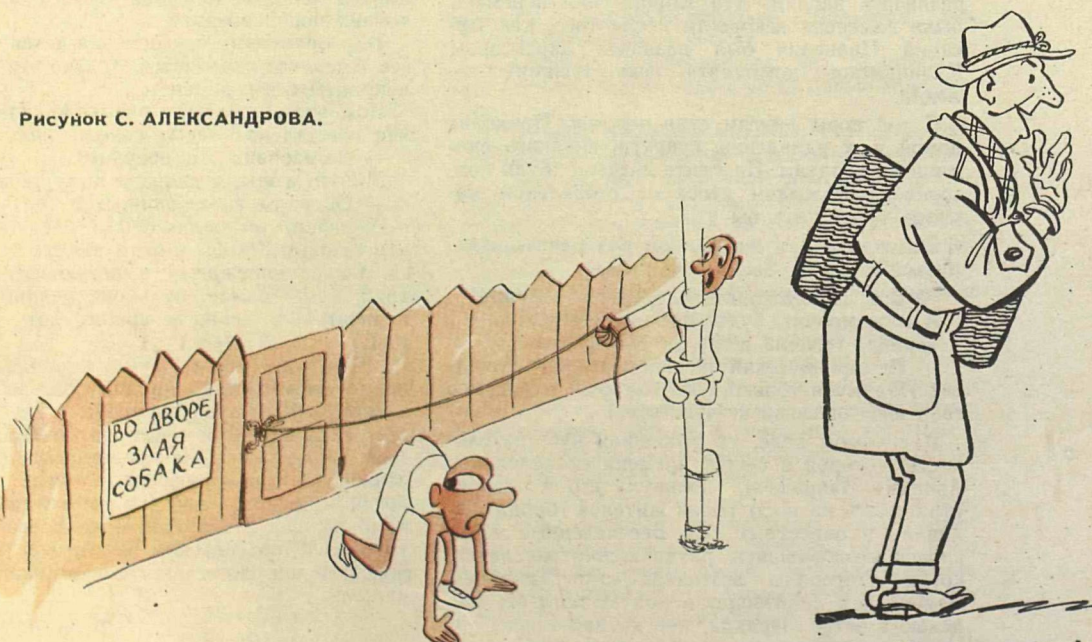

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Недалеко от зоопарка.

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА.

— НА СТАРТ! ВНИМАНИЕ...

— Ни пуха ни пера!
— Будь культурной!

М ОМ БУГРЕ

ционном магазине. Они говорили об урожае, садовых вредителях, торфяных компостах и дожде.

— На Евдокеи снега не было, — говорил дед, — стало быть, лето сушь будет. Потому как-то Евдокея, такое и лето. Это важнейший научный факт. Ежели на Евдокею снег падет, быть урожаю.

— А на Евдокею снег был? — спрашивал папа.

— Не упомяну. То ли был, то ли нет. Опять, ежели в день Мокья мокро, — все лето мокрое.

— На Мокья было мокро? — допытывался папа.

— Рази усе упомяну? Опять же, ежели на святого апостола Иакова ночь была звездная, — возьмешь непременно урожай.

— Так какая же была ночь на Иакова?

— Спал я, батюшка, не видел. Чего не видал, того не видал. Обманывать не стану. Не учен обманывать. Обратное же возьмем на Егория или на Симона Зилота...

— Бог с ним, с Зилотом, скажи лучше, дед, почему моя смородина не растет?

— Стало быть, она еще силу не взяла. Как силу наберет, так и пойдет. Это уж беспременно...

— Точно говоришь, дед?

— Как она сок с земли потянет, так и пойдет. Потому в ей сейчас силы нет...

Ляльку раздражали эти разговоры.

— Зачем ты привадила этого старика? Он же первейший лодыр во всем колхозе! Мне девчата из села рассказывали. Десять лет не работает, спекулирует, церковным старостой заделался...

— Меня его религиозные

воззрения не интересуют, — ответил папа. — Меня интересует его богатый опыт земледельца...

— Так ты лучше посоветуйся с агрономом. Ведь ваш садоводческий коллектив пригласил агронома.

— Нет уж, избавь, — сказал папа. — Сначала коллективно приглашают агронома, потом коллективно проводят разные садовые мероприятия, затем коллективно распределяют урожай.

— А как же иначе, — сказала Лялька, — это же коллективный сад.

— Нет уж, извини, я хочу сам сажать и сам убирать...

— И сам продавать, — сказала мама.

— Неужели ты будешь продавать на рынке ягоды?! — ужаснулась Лялька.

— А что в этом зазорного? Что я, спекулянт? Боскопский великан достался мне потом и кровью.

— Боже мой! И это говоришь ты, мой отец?

— Да, я! Твой старый, покрытый родимыми пятнами капитализма отец.

— Не так уж это смешно, — сказала Лялька.

— Еще бы! Отец — собственник и стяжатель. Куда еще хуже!

Папа улыбался, но по его глазам я видел, как он злится.

— Мало радости, — продолжал он, — когда отец на твоих глазах превращается в обывателя, обезумевшего от жажды наживы.

— Ты не замечаешь, — сказала тихо Лялька, — что в твоих словах есть доля правды?

Папа встал и поклонился.

— Мерси за комплимент, — сказал он. — Душа радуется за такую дочь. Высокоспринципиальную, сознательную! Она не даст свихнуться. Куда там! Она живо направит тебя на путь истины. Эй, папашка, куда свернул, осади на дорогу!

Потом папа посмотрел на меня и спросил:

— А ты, умник, что скажешь?

— Ничего, — сказал я. — Жал-

ко только, что великан не растет.

Наш великан что-то очень плохо тянул сок из земли. Солнышко грело всю, и дни стояли ясные, без ветра, и на деревьях, что посадил папа, появились листочки, маленькие, блестящие, чисто вымытые росой. Зазеленела и Лялькина клумба, куда она посадила гвоздику Шабо, тюльпаны и тигровые лилии.

Лишь на папином боскопском великане не было ни почечек, ни листочков: голые кустики, ничего больше. Папа опять вызвал деда из деревни, и тот пришел в новом черном бумажном костюме и в такой же кепке. От него пахло, как от графина с водкой, если его откуют.

Дед пощупал кустики и сказал, что они еще отойдут.

— Оно бывает, — сказал дед. — Видать, растению под корень морозом прихватило. Нынче сильные были введческие морозы. Тогда ее и повредило. А то и в николевские. Могло и в крещенские пришибить. Или, скажем, в афанасьевские. Очень даже свободно.

Дед еще долго перечислял названия разных морозов.

— ...Опять же ее мороз в сретенский заковать, — сказал он, обламывая кончик прутика и нюхая его. — Благовещенские тоже землю потянут, так и отойдет. Под Варвару сильно мостило.

— Так как же, по-твоему, отойдет смородина?

— Беспременно отойдет. Никуда не денется. Как она сок с земли потянет, так и отойдет.

Дед выпил у нас три стопки водки, сказал на прощание: «Видать, растению под Савву заварварило» — и ушел.

Из города на машине папа привез целый бумажный мешок преципитата. И в тот же вечер подкормил великана.

Боскопский великан съел преципитат, потом, через неделю, — суперфосфат и еще какой-то томасшлак — и хоть бы что. Мама опять рассердилась и сказала, что из-за подкормок этого липового великана мы скоро сядем

на хлеб и на воду. Тут папа не выдержал и пригласил агронома.

Агроном ничего не говорил про морозы. Он осмотрел кустики и только покачал головой. Потом выдернул из земли прутик и даже улыбнулся.

— Вы давно занимаетесь этим делом? — спросил агроном.

— Никогда он в руках саженца не держал, — сказала мама.

— Оно и видно, — сказал агроном.

— Знаете что, — сказал папа, — не тяните из меня жилы. Разве нельзя сразу ответить: почему смородина не растет?

— А если вас поставит вниз головой, вы будете расти?

— Ох и не люблю же я, когда говорят загадками!

— Никаких загадок нет, — сказал агроном, выдернул из земли еще один прутик и спросил: — А корень где?

— Морозом его прихватило. На Варвару.

— Варвару! Посадили смородину корнями вверх и на Варвару киваете!

Меня разобрал смех, и я чуть было не прыснул, но вовремя посмотрел на папу, и все звуки у меня в горле застряли.

— Вы саженцы перед посадкой обрезали? — строго спросил агроном.

— Обрезал, — чуть слышно ответил папа.

— Значит, вы не только посадили корнями вверх, но еще их обрезали.

— Ну, это не имеет значения, — сердито сказала Лялька.

— Он сажал поздно ночью, было совсем темно, — сказала мама. Ей тоже стало жалко папу.

Папа больше не спорил. Он пошел домой, волоча ноги, словно по ним больно ударили гороховой битой. На следующий день он вырыл все прутики.

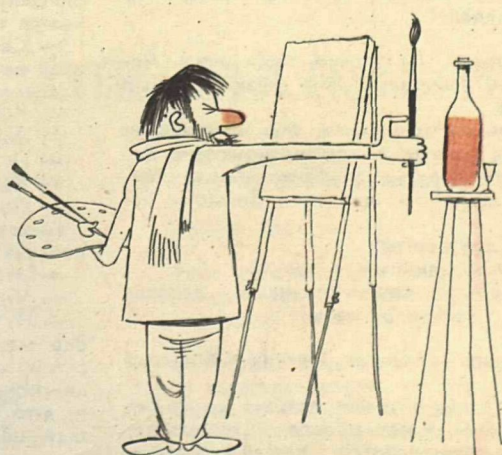
Папа очень переживал. И не только из-за прутиков. Он узнал, что сад будет взаправду коллективным. Одна Лялька была довольна. Она посадила еще цветов и говорила, что без базарного боскопского великана легче дышится на нашем дорогом бугре.

Рисунок В. ЖАРИНОВА.

девочкой, скажи дяде: «К черту!»

Рисунок В. ЧИЖИКОВА.

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

БЕЗ СЛОВ.

КЛИЕНТ БОГА

ЖИЛ некогда в штате Коннектикут очень богатый гангстер. Ему только что стукнул восьмой десяток, и обуял его великий страх. «Может быть,—говорил он себе,—и в самом деле существует потусторонняя сила, перед которой я предстану после смерти. Тогда мне несдобровать. Умирая,—думал он,—я и так оставлю здесь все мое состояние. Не благоразумнее ли пожертвовать его церкви, а она своими молитвами добудет мне вечное спасение?»

До утра ворочался он в постели, а едва зарозовело небо, позвонил маклеру и рассказал о своих заботах.

— Но ведь это так просто: спросите у БОГА, — посоветовал маклер.

— Что? — вскипел старый гангстер. — Я к вам серьезно, а вы издеваетесь?

— Нисколько. Я имею в виду БОГА, то есть бюро обслуживания грешников-атеистов — акционерное общество с ограниченной ответственностью, Норскамберленд, 1227.

— Ну, это другое дело, — ответил гангстер, положил трубку и поехал по указанному адресу.

Директор принимал в кабинете, огромном, как ковчег. От его стола веяло благовоением, издали доносилась органная музыка.

— Вы желаете спасения? — сказал он. — Прекрасно. Очевидно, вам подойдет что-нибудь христианское?

— Вроде того, — сказал старый гангстер. — А у вас есть и другое?

— Естественно. Позволю себе упомянуть, например, ислам и иудаизм, но они требуют особой процедуры...

— Отпадает, — сказал гангстер.

— Прекрасно, итак, останавливаемся на христианстве. Начнем с методистов; их церкви располагают центральным отоплением и хорошей вентиляцией. У конгрегационалистов в церквях бильярдные залы и роскошные танцевальные площадки.

— Я не собираюсь танцевать, — нетерпеливо сказал гангстер. — У вас есть что-нибудь для меня или нет?

— В таком случае мы свяжем вас с протобаттистами. Если это вероисповедание не будет отвечать вашим желаниям, покорнейше просим обратиться к нам вновь; рекламации принимаем бесплатно в трехмесячный срок.

* * *

Над штаб-квартирой протобаттистов огнем сверкали окруженные серебряным ореолом буквы:

ВЕЧНОЕ ПРОСВЕТЛЕНИЕ ТОЛЬКО У НАС.
ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ —
НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ОБЩЕНИЕ С НЕБОМ.
ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКОВ ОБСЛУЖИВАЕМ В
ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ.

О гангстере уже предупредили, и его сразу же принял сам епископ.

— Мистер епископ, — сказал гангстер, — я много сделал в жизни зла и ужасно боюсь смерти. А вдруг и правда есть что-нибудь за гробом?..

— Конечно, есть, — ласково заметил епископ, — но прошу вас, говорите.

— Я охотно пожертвую все мое состояние вашей фирме... то есть церкви, если вы гарантируете мне полное отпущение грехов.

— Понимаю, — сказал епископ, — очень хорошо. Сейчас составим соответствующий акт; наш нотариус запишет условия, а потом займемся и духовными делами.

Епископ вышел. Через минуту в комнате появился пожилой джентльмен с двумя помощниками, одетыми во все черное. Они представили гангстеру уже составленные условия и попросили его собственноручно их

подписать. Старец, снедаемый сомнением, долго вертел в руках золотое перо.

— Нет, — наконец сказал он, — мне нет спасения, мистер епископ.

— Можно поддаваться тревоге, но нельзя сомневаться, — сказал епископ, — ибо милость божья не знает границ. Не называй, однако, меня, сын мой, «мистер епископ», это не принято.

— А как к вам обращаться? — спросил гангстер.

— Говори «святой отец», так будет лучше.

— Хорошо, так что же мне делать, святой отец?

— Сын мой, — сказал ласково епископ, — небо больше радуется одному раскаявшемуся грешнику, чем ста благочестивым. К тому же очень может быть, что многие поступки, которые ты считаешь греховными, на самом деле не так уж плохи.

— Святой отец! Позволь открыть мое гнилое сердце! С юных лет я обманывал ближних: молодым человеком организовал акционерное общество по добыче золота в песках Мильвоки; я продавал акции, не стоившие даже бумаги, на которой они печатались, и нажил двести шестьдесят тысяч долларов.

— Подожди, сын мой, — сказал епископ, — как же ты обманывал покупателей?

— Я ведь говорил, что в песке золото...

— Ты только слегка преувеличивал, а это свойственно любой рекламе: наука доказала, что золото находится всюду, даже в морской воде, хотя и в ничтожно малом количестве. Слушай дальше.

— Дальше, святой отец, я понял, что такой заработок слишком легок, и стал преступником: я был грозой торговцев, предпринимателей, лавочников, лабазников. Они вынуждены были платить мне дань, иначе я грабил магазины, поджигал дома, а их самих избивал до потери сознания. Большие суммы я получал от одного концерна, который хотел монополизировать рынок. Я не трогал магазинов, продающих его товар, я грабил только конкурентов.

— Нет, любезный сын мой, ты был только пешкой в большой экономической игре, а в писании говорится: «Руку карай — не слепой меч». Ты тоже слепой меч, тебя связывал уговор, ты был не свободен в поступках. Это не грех, говори дальше.

— Святой отец, во время сухого закона я был контрабандистом.

— Провозил водку? Что тут плохого, сын мой? Люди в искушениях очищаются. Тут нет греха.

— Но, святой отец, я вместо водки продавал всякую дрянь.

— Ах, так? Ты поступал благородно, закрывая людям грешную дорогу пьянства. Это был хороший поступок.

— Я убил много людей.

— Каким образом?

— У меня не раз были стычки с полицией.

— А ты стрелял бы, если бы полиция на тебя не нападала?

— Нет...

— Вот видишь. Ты только защищался. Человек обязан защищать свою жизнь. Ты был вполне прав.

— Я занимался шантажом. Мы выманивали или воровали разные компрометирующие документы и, угрожая их опубликованием, шантажировали людей и получали большие барыши.

— Какие документы?

— Чаще всего любовные письма.

— Вы грозили опубликованием доказательств супружеской измены?

— Да.

— Это очень хорошо: измена — большой грех.

— Святой отец, я также прешил во время последней войны. Я переправлял гитлеровцев, эсэсовцев и комендантов лагерей смерти через границу в Латинскую Америку за золото, награбленное у замученных жертв.

Я изменил родине и согрешил против человечества.

— Ты можешь назвать этих гитлеровцев? — Конечно: Эйзель, Виннеке, Миттендорфер, Миллер, Шмик, Губерт...

— Сын мой, ты что, не читаешь газет! — воскликнул священник, доставая из-под сутаны сложенную вчетверо «Нью-Йорк таймс». — Вот статья о совещании специалистов новой немецкой армии. Люди, которых ты назвал, будут руководить этой армией, это наши верные союзники и друзья. Когда ты в свое время спасал их, ты не только проявил христианское милосердие, помогая гонимым, но показал достойную уважения политическую прозорливость. Это не грех, а как раз наоборот...

— Святой отец, слышу слова твои, но признаюсь, не рассеивают они сомнения моего! — воскликнул гангстер.

Епископ встал.

— Ну, что же, — сказал он спокойно, — если мало надежды вселил я в твое сердце, подойди, я тебе что-то покажу. — С этими словами он нажал кнопку. На темной стене засветился экран: вначале на нем появился купол Вашингтонского Капитолия, здания конгресса, потом — его зал. На широких скамьях сидели почтенные старцы, внимательно слушающая оратора, говорившего следующее:

«Таким образом, джентльмены, цена ликвидации одного человека путем сбрасывания атомной бомбы составляет 15 центов, а с помощью рассеивания радиоактивного порошка — 64 цента! Итак, я спрашиваю уважаемых сенаторов, можем ли мы позволить себе выбрасывать доллары в окно и использовать в войне порошок, когда бомба в четыре раза дешевле?»

Епископ нажал кнопку. В глубине экрана на фоне голубого неба появился небоскреб, окруженный греческой колоннадой. На двери виднелась скромная алебастровая табличка с надписью «Департамент здравоохранения». Дом приближался с ошеломляющей быстротой, потом экран потемнел, и появился тихий кабинет. Высокий мужчина с буйными каштановыми волосами и аскетическим лицом исследователя говорил, обращаясь к группе одетых в белое врачей:

«Вот наш новый, усовершенствованный препарат... После упорной работы, — продолжал восторженно ученый, — нам удалось выделить это вещество... Одна унция убивает двести тысяч людей! Мы вступаем в новую эру...»

Экран погас. Потом он снова засветился, появились монументальные здания университета. В просторной комнате математики приникли к электронным мозгам, создавая теорию эффективной бомбардировки. В огромной аудитории, полной слушателей, знаменитый психолог излагает общую теорию паники. В оранжереях агробиологи выкармливают колорадских жуков...

— Сын мой, я убедил тебя? — мягко сказал епископ. — Пойми, что жизнь твоя не отличается от жизни многих твоих земляков, что...

— Святой отец! — воскликнул гангстер, стоя на коленях. — Скажи, все эти люди верят в спасение?

— Конечно, дорогой сын мой.

— Воистину я жил во тьме!

— Ну, пойдем, сын мой.

— Куда, святой отец?

— Подписывать условия, дорогой сын.

Гангстер встал, отряхнул пыль с колен и, поислав глазами свою шляпу, сказал:

— Это плохой бизнес.

— Что? — изумленно спросил епископ.

— Ну да. Отдать вам имущество? За что? Все мои тяжкие грехи — пустяк в сравнении с тем, что делают сановники, уважаемые финансисты, ученые. Если они попадут на небо, то я-то уж наверняка стану святым и без вашей церкви!

Под секретом...

Гаджи ЗАЛОВ

ОЩИПАННЫЙ ПЕТУХ

Ахмед в годах.

И в бороде Ахмеда
Давно пробилась иней седины,
Но им в любви одержана победа,
Притом, учтите, втайне от жены.

Он на свиданье с грешною подружкой
Ходил тихонько,
не предвидя бед.

И вдруг
своей законною супругой
Был уличен в неверности Ахмед.

Землетрясение разыгралось в доме!
Забыл Ахмед покой и тишину.

Как злой огонь, ползущий по соломе,
Сжигала ревность старую жену.

Ахмед кричал:

— Да что ты, угорела!
Тебе не изменял я никогда!
Но за неделю сильно поредела
Ахмедова густая борода.

Семейная разыгрывалась драма.
И красоте супруга вопреки
Жена из бороды его упрямо
Рвать черные принялась волоски.

И, утоляя горькую тревогу,
Она при этом думала тайком,

Что к молодой забудет муж дорогу,
Коль выглядеть он будет стариком.

А молодая,

увидав воочью,
Что побелел Ахмед, как от муки,
Из бороды возлюбленного ночью
Рвать белые принялась волоски.

Ахмед ругался, умолял и спорил,
Но каждая к мольбам была глуха,
И стал собой напоминать он вскоре
Ощипанного к свадьбе петуха.

Перевел с аварского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Билетчики

В ЗАЛЕ билетных касс дальнего следования Курского вокзала он появляется рано утром. Высокий, хорошо сложенный. Лицо не без приятности, вот только глаза очень бегают...

Наметанным взглядом он окидывает зал и направляет стопы свои к старушке, окруженной узлами и корзинами.

— Куда изволите ехать, мамаша?

— В Плавск, родимый. Да вот с билетами морока. Мы с дочкой вовсе голову потеряли.

— Секунду! — Он исчезает и через некоторое время появляется снова. — Так и быть, мамаша, в двадцать шестой кассе мне оставлены билеты, но я вам их отдаю. Посылайте свою дочь.

Дочка спешит в кассу № 26 и действительно возвращается с билетами. Счастливые пассажиры не знают, как им и благодарить своего доброго ангела. Но тот скромничает:

— Разве что четвертную на пиво...

Для начала очень недурно. В кассах билетов полно, надо только знать, в какое окошечко обратиться. А вот к кассам предварительной продажи билетов не пробьешься. Тут надо занимать очередь.

— Вы крайний? Я за вами.

Спустя два часа — осторожный шепоток солидному мужчине в дорогом макинтоше, вставшему в хвост очереди:

— Вам куда? Ах, в Сочи... Н-да! При здешних порядках три дня можно простоять. А я, пожалуй, уступлю свою очередь. Ну, что вы, никаких мне денег не надо! Разве что четвертную на пиво...

Вот так живет и процветает Юрий Владимирович Казаков, молодой, цветущий мужчина. Он не одинок. Их не так уж мало, членов корпорации «билетчиков», как они именуют самих себя. Абрамов, Челноков, Овсянников...

Они отличаются от обычных клопов и других паразитов, пожалуй, только тем, что клопы ничего не понимают в коньяке и «Столичной». И еще тем, что те паразиты «работают» ночью, а эти днем.

Гиды

П АССАЖИРЫ Титов и Антоненко, следующие из Нижнего Тагила в Сочи, сиротливо и неприкаянно стояли на перроне Курского вокзала, не зная, как им поступить дальше. И вдруг:

— Граждане, вам куда?

— В Сочи.

— Так чего же вы стоите? Давайте ваши чемоданчики и следуйте за мной! Я агент конторы по перевозке пассажиров.

Не успели Титов и Антоненко и глазом моргнуть, как агент выхватил у них чемоданы и бросился в метро. Дальше все замелькало, как в калейдоскопе. Эскалаторы, темные тоннели и сверкающие подземные залы. Ботанический сад... Белорусская... Серпуховская... Павелецкая... Курская. Снова толпа, подъем вверх, и вся компания, сделав круг под Москвой, вновь очутилась у подъезда того же Курского вокзала. Приезжим и невдомек, что поезд в Сочи отправляется именно отсюда.

Тут «агент» поставил чемоданы на асфальт и сообщил своим клиентам:

— Вот кассы, здесь вы можете закомпостировать билетчики. С вас за услуги по-

лагается по восемьдесят девять рублей и тридцать копеек.

— Да это же обираловка! — хором возмущились Титов и Антоненко.

— Не себе беру, граждане, а по таксе, — успокоил их «агент», — а если будете шуметь, позову милиционера!..

Клиенты обмякли и вынули по сотенной бумажке.

Так «гостеприимно» встречает пассажиров «агент» несуществующей «конторы по перевозке пассажиров» некто Лепин Иван Сергеевич, тридцати лет от роду, нигде не работающий.

Другой «агент», Анатолий Владимирович Вишневецкий, надевает на рукав красную повязку, выходит к поезду на перрон и громкогласно объявляет:

— Граждане, прибывшие на выставку, прошу собираться у справочного бюро!

Когда желающих попасть на выставку набирается человек двадцать, Вишневецкий продолжает свою речь:

— Поздравляю с прибытием в Москву! А теперь соберите с каждого по двести пятьдесят рублей. За эти деньги мы в течение десяти дней обеспечим вас питанием, ночлегом и транспортом...

Обрадованные экскурсанты, не задумываясь над тем, кто такие эти «мы», послушно достают деньги и протягивают их «тиду». Тот внимательно пересчитывает сотенные и бежит к метро. Экскурсанты за ним. Финиш гонки — у здания администрации ВДНХ. Анатолий Вишневецкий галантным жестом распахивает двери и приглашает всех пройти внутрь. За последним он плотно прикрывает дверь, садится в такси и исчезает, как мимолетное видение. Утешать обобранных экскурсантов приходится милиционерам.

Охотники за коврами

М ИША Лапкин из Воронежа и его попутчик Вася Репкин из Ельца страстно мечтали приобрести по коври. В их возбужденном воображении рисовалось что-то яркое, пестрое, пушистое...

Оставив чемоданы в гостинице, приезжие отправились на Добрынинскую площадь. С витрины универмага на них смотрели красавцы ковры, способные привести в трепет самых закоренелых флетматиков и меланхоликов.

Лапкин и Репкин бросились в магазин. Но друзьям не повезло: перед их носом с прилавка был снят последний ковер.

— Ничего, — жизнерадостно резюмировали они. — Завтра наведаемся пораньше.

Утром следующего дня, бодрые и подтянутые, путешественники стояли у магазина. А ровно в девять, когда двери универмага широко распахнулись, Лапкин и Репкин, резво обгоняя других покупателей, понеслись к заветному прилавку. Когда, казалось, цель была достигнута и до ковров было рукой подать, чей-то твердый локоть оттолкнул их в сторону.

— Граждане! — сказал им мужчина в шляпе. — Соблюдайте очередь!

— Мы и есть очередь! — вспыхнул Лапкин, но тут же оказался прижатым к стене. А тем временем над толпой поплыли к выходным дверям свернутые в рулоны яркие и пушистые красавцы.

На другое утро Миша и Вася снова явились к универмагу чуть свет. Но как только они достигли прилавка, их опять оттеснили в сторону:

— Надо соблюдать очередь!

Картина повторилась и в третий раз и в четвертый... На пятое утро Лапкин захандрил и остался лежать в номере гостиницы, тоскливо глядя в потолок. А его спутник, мобилизовав всю энергию, поплелся на Добрынинскую площадь. В полдень он явился радостный и оглушительно объявил:

— Есть!

— Ковер? — подскочил на кровати Лапкин.

— Вот! — торжествующе произнес Репкин и протянул другу какую-то бумажку.

— Так это же квитанция на багаж, сданный в камеру хранения! — заинтригованно воскликнул Лапкин. — Ты что, уже купил ковер и сдал его на хранение?

— Нет, я просто купил готовую квитанцию, — пояснил Репкин. — Пришлось, правда, переплатить пятьсот рублей, зато ковер...

— Где ты купил?

— Около универмага, на пяточке... У Ники, ее там «Балалайкой» кличут...

Друзья выбежали на улицу, схватили такси и помчались на Киевский вокзал. Дрожая от волнения, Репкин протянул в окошко камеры хранения квитанцию.

И ему выдали ковер. Да какой! С красными и синими разводами на голубом поле, с белой, как снег, бахромой...

Лапкин был сражен наповал.

— Вася, дорогой, веди меня тоже на пяточок... — канючил он.

Пяточок оказался у станции метро Серпуховская. На небольшой площадке, ограниченной павильоном «Все для школьников» и киосками «Мостгорсправка» и «Табачки и папиросы», прогуливались интеллигентного вида мужчины и женщины. Среди них Лапкин узнал гражданина в шляпе и с твердым локтем. Но на этот раз гражданин не стал толкать приезжего в бок, а любезно осведомился:

— Чем могу служить? Я Кидало...

— Ковер нужен, знаете...

— Нужен? Ага! Но это не по моей части.

Кидало не лгал. Реализацией ковров он непосредственно не занимается. Его профессия более тонкая: он устанавливает очередь на ковры. И, нужно сказать, поддерживает в этом деле железный порядок не только в универмаге на Добрынинской. «Работает» он не один, а с «Жучкой» и «Можайским».

Если раскрыть клички, то все будет гораздо прозаичнее. Например, «Жучка» — это всего-навсего гражданка Жучкова, проживающая на Варшавском шоссе, «Можайский» — гражданин Марков с Кутузовского проспекта.

Каждый вечер ровно в 22.00 Жучкова, Кидало и Марков составляют список очередников за коврами. В него вносят тридцать вымышленных фамилий: на каждого из этих «активистов» приходится по десять мест. В шесть утра они уступают свои места покупателям — по сто рублей за место.

Но покупатель — это еще не Лапкин. Это «Балалайка», «Королева» и им подобные.

Ковер хранился недолго...

Они выкладывают по две — три сотни за соответствующее количество мест в очереди, покупают ковры, отвозят их на вокзал, сдают в камеру хранения, а квитанции продают лапкиным и репкиным.

По сигналу Кидало к Лапкину подошли нарядные дамы — «Балалайка», она же Филипповская, проживающая на Поклонной горе, «Королева Серпуховки» — Барбанова, обитающая на шоссе Энтузиастов, и Овчинникова из Верхнего Михайловского проезда.

Жучковой, Кидало и Маркову милиция не страшна. В уголовном кодексе наказаний за торговлю очередями не предусмотрено. Филипповской и Барбановой приходится труднее. Но и им, так сказать, идут на встречу! Еще не так давно, сдавая в вокзальную камеру хранения чемодан, вы должны были назвать свою фамилию, а получая его, предъявить документ. Теперь эта формальность отменена. Никаких фамилий, имен и документов! Получают «ковровщики» квитанции и следуют на все четыре стороны.

А почему, собственно, на все четыре? Не лучше ли было бы направить их всех в одну сторону, причем совершенно определенной.

«Счастличик»

ОВОРЯТ, что счастливицы рождаются в сорочке. Что касается Анатолия Германовича Фриндлянда, то он, видимо, родился в отличном шерстяном костюме. Он был фантастически везуч.

Как только объявлялся розыгрыш лотереи, Фриндлянд, улыбаясь, говорил знакомым:

— Сегодня проверю, братцы, таблицу и — что бы вы думали?

— Парфюмерный набор? Часы? Ковер? — завистливо гадали знакомые.

— Ха! Берите выше: выиграл «Москвича»!

Потом разыгрывалась новая лотерея. И счастличик все тем же веселым и спокойным голосом опять говорил приятелям:

— Ну и ну! До чего же я удачливый человек! Должно быть, я родился под созвездием Лиры. Знаете, есть такое. Счастливое! Сегодня проверяю таблицу и — что бы вы думали?

На этот раз Фриндлянд опять выиграл легковую машину. «Даже глазам своим не поверил!» — восторженно рассказывал он.

Это необыкновенное счастье улыбалось Анатолию Германовичу с бухгалтерской аккуратностью каждые полгода. Знакомые настолько привыкли к его удачам, что сильно удивились бы, если бы в очередную лотерею Фриндлянд ничего не выиграл.

Благодаря своей фантастической везучести Анатолий Германович был владельцем нескольких машин. Не одновременно, конечно, а по очереди. За последние годы через его руки прошло восемь легковых автомобилей и целая дюжина мотоциклов.

Но каково же было удивление знакомых Фриндлянда, когда личностью любимца фортуны неожиданно заинтересовались работники ОБХСС! Этих дотошных людей, например, удивляло, как А. Г. Фриндлянд, студент вечернего отделения Московского автомобильно-дорожного института, не имея трудовых доходов, сумел купить целый парк легковых автомобилей. Работники ОБХСС оказались черствыми скептиками и не хотели верить в созвездие Лиры. Не удовлетворяла их и версия, что все многочисленные «Победы» и «Москвичи» были куплены на небольшую пенсию Фриндлянда-отца.

Тогда торговец машинами стал клятвенно убеждать сотрудников милиции, что первоначальный капитал для бизнеса ему оставила в наследство богатая тетька. Однако фамилию тети Фриндлянд почему-то запомнил.

Когда сотрудники милиции поинтересовались, почему Анатолий Германович вот уже длительный период не работает, он высокомерно ответил:

— Это — мое личное дело,

Молодой бизнесмен что-то путает. Речь

идет не о фасоне галстука и не о любовной интрижке, речь идет о труде. Нашему обществу далеко не безразлично, создает ли А. Фриндлянд материальные блага или только потребляет их. А торговец машинами за тридцать с лишним лет своей жизни преуспел только в последнем.

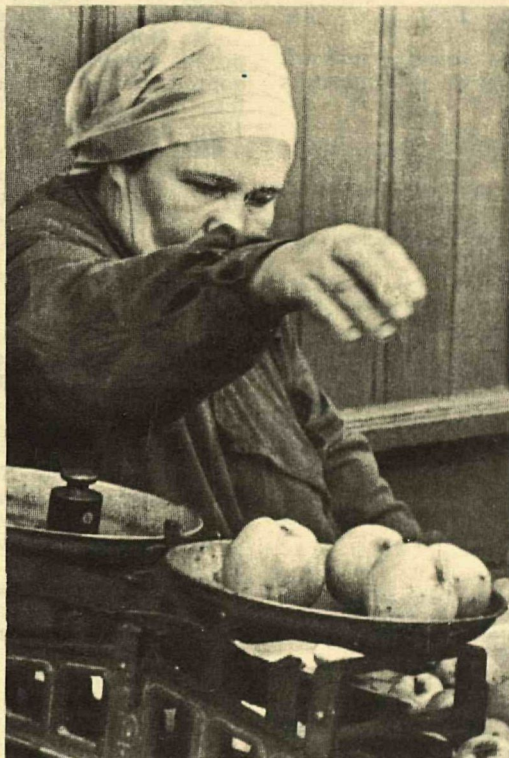
Гнилые «фрукты»

АННЕЕ утро. У ворот одного из московских рынков несет вахту стайка молодых женщин с нагловатыми глазами.

Пофыркивая, подкатывает грузовик с брезентовым кузовом. Из кабины вываливается здоровенный дядя в сапогах и кожаной куртке на «молнии». Между ним и женщинами происходит такой странный диалог:

— Почему яблоки будут?

Мария Григорьевна Ефимова «выколачивает» свои проценты.

- По девять.
- Нам десять.
- Пойдет.

Хозяин отбирает у женщин паспорта, они получают у него фрукты и усаживаются на рынке торговать. А потом, когда товар продан, где-нибудь в укромном уголке сделка завершается; хозяин возвращает своим прикащикам паспорта в обмен на выручку, из которой они отхватывают себе десять процентов.

Что это? Частная лавочка под вывеской колхозного рынка? Да, именно так. Участвуют в бизнесе «хозяин» и так называемые процентщицы — обожательницы легкой наживы.

Впрочем, не всегда этих барышниц устраивают банальные десять процентов. Они алчут сверхприбыли.

Начинается «игра на повышение». Взяв у хозяина фрукты, «купчихи» набавляют втихую по несколько рублей на килограмм. Изъятые таким образом дивиденды они вкладывают в банки (из-под консервов) или в сберкассы.

Такова, например, В. Плешкова. Нанявшись к хозяину торговать его огурцами по восемь рублей, она для ровного счета продавала их по десять. Пустиковский штраф, к которому ее приговорил за это суд, был для нее, что слонихе дробинка.

Легким испугом отделалась и Л. Куликова, затеявшая огтовую спекулятивную комбинацию с дынями. Милостиво согласившись уплатить штраф, она продолжает «штрафовать» покупателей.

Мухтар Гаджиев за «работой».

Преуспевают на базарном попреще и некоторые представители сильного пола. Если бы с А. Зейналовым и М. Гаджиевым внезапно случился припадок откровенности, то они должны были бы сознаться, что от их трудовых книжек у них давно уже остались одни только смутные воспоминания.

Впрочем, из дальнейшей беседы выяснилось бы, что они все же в каком-то смысле «работают». И даже довольно активно.

Гаджиев трудится в основном на ниве перепродажи помидоров, закупленных по государственным ценам. Перепродает, конечно, с «наценкой». Зейналов же специализируется в основном на яблоках. Скупает у фруктоладельцев и сбывает на рынке по спекулятивным ценам.

Это двадцатидевятилетний бездельник без определенного места жительства и места в жизни. Работать он не хочет, учиться не желает, а предпочитает шататься по рынкам и спекулировать. На него пока ничто не действует: ни уговоры, ни суд, ни трижды взятая подписка о выезде из Москвы.

...Много колхозных рынков в стране. И, к сожалению, нередко встречаются на них вот такие гнилые «фрукты». Наиболее прогнившие, нам кажется, пора бы «консервировать»...

Рынок, вокзал, магазин... Добытки замусоленных десятков и «четвертных» ползут туда, где пахнет шальной наживой, чтобы присосаться к чужому карману — государственному или твоему, читатель.

Кое-где в тепленьких и грязненьких щелях и трещинах все еще обитают жалкие отпрыски Тит Титычей — дармоеды, хапуги, барышники. Какие силы, земные или небесные, помогают им?

Невольные пособники паразитов — это наша собственная беспечность, сверхдоверчивость, ротозейство, халатность.

Конечно, тунеядцев ничтожно мало. Но ведь ДДТ применяют не только в тех случаях, когда клопы начинают маршировать целыми полками и дивизиями.

Настала пора решить санитарно-гигиеническую проблему. Пришла пора перечеркнуть тлетворную деятельность нечистоплотных дельцов вдоль и поперек: народными дружинами и товарищескими судами, писанными статьями кодекса уголовного и неписанными статьями кодекса морального.

Чем дружнее мы возьмемся за все это жулье, шныряющее по укромным уголкам жизни, тем быстрее очистим наш дом от скверны паразитизма.

В рейде участвовали: Н. БАЖЕНОВ, М. ГАНКИН, А. ГОЛУБ, Я. ДЫМСКОЙ, В. ТИТОВ

Осторожно: тараканы

Не успел крокодильский почтальон Иван Штемпелюк переступить порог редакции, как его вызвал к себе нетерпеливый Крокодил.
— Какие новости? Есть ли ответы на мои выступления? Выкладывай-ка все, да побыстрее.
Штемпелюк раскрыл свою туго набитую сумку и подал Крокодилу конверт с почтовым штампом «Челябинск».

ДИРЕКТОР БОЛЬШЕ НЕ ДИРЕКТОР

Вы помните, в № 23 журнала был напечатан фельетон «Любовь, директор и квартира»? Рассказывалось в нем о директоре Челябинского кирпичного завода Финаеве, его доме, незаконной квартире и не совсем обычной в наше время любви — к частной собственности. Был директор как директор и вдруг в одно прекрасное время взял да и обзавелся земельным участком. Выстроил дом — благо кирпич под рукой. Ну, а потом стал продавать фрукты-овощи.

И вот теперь Челябинский горком КПСС сообщил Крокодилу: фельетон обсуждался на бюро Тракторозаводского райкома. Финаев исключен из рядов КПСС и освобожден от занимаемой должности.

— А дом и квартира? — перебил Штемпелюк. — Ведь не по праву бывший директор имеет две жилплощади!

— Думаю, что челябинские товарищи и в этом наведут полный порядок, — убежденно сказал Крокодил. — А в этих двух письмах о чем? Так-так... О телефонах!

У НАС ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН

Первое письмо было из Росглавкоопхозторга. Речь шла о фельетоне «Алло... будет сделано!» (№ 22).

Телефонный звонок и руководящий бас магически действовали на некоторых руководителей Роспотребсоюза и Росглавкоопхозторга. «Алло... будет сделано!» — бодро рапортовали они. А бас-то оказался не руководящим, а уголовным. Матерый аферист использовал ротозейство руководителей Росглавкоопхозторга, отдавал им распоряжения по телефону-автомату и получал лимитированные строительные материалы и лес. Фельетон обсуждался на открытом партийном собрании, критика признана правильной. Собрание обязало руководство главка принять такие меры, которые бы «исключали возможность использования дефицитности товаров в корыстных целях».

— Второе письмо из Карачаево-Черкесской области. Оно тоже о телефоне. Только о бездействующем, — улыбаясь, добавил Крокодил. — Почитайте-ка, Штемпелюк!

«Редантору журнала Крокодил. После опубликования в журнале № 21 заметки под заголовком «Телефон с припевом» на второй же день в совхоз прибыла бригада связистов из областной конторы. За короткий период установлена АТС. В настоящее время связь со всеми точками налажена.»

Директор совхоза «Холодно-Родниковский» КАГИЕВ,
секретарь партбюро ПАЛЬКОВ».

БУМАГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВЛАЖНОЙ

— Это о какой бумаге идет речь? — переспросил Штемпелюк.

— Да о самой обыкновенной, офсетной, на которой печатается мой журнал. Из-за низкой влажности бумаги, которую выпускал

Советский целлюлозно-бумажный комбинат, ухудшилась печать, были случаи брака. Мои читатели, наверное, замечали... Вот я и послал на комбинат корреспондента, а потом опубликовал фельетон «Вольница на Немане».

— Занятно получилось, — усмехнулся Штемпелюк. — Работники комбината на своей же бумаге о себе фельетон читали.

— Не только читали, но и обсуждали. Во всех сменах бумажной фабрики и на парткоме. Руководители комбината докладывают: «Выработаны мероприятия, направленные на улучшение качества бумаги, часть из которых уже выполнена».

Штемпелюк пощупал бумагу этого номера и с сомнением покачал головой. А Крокодил уже просматривал следующие письма...

ХОРОШИЕ ВЕСТИ

Из Красноярска. Президиум краевого совета профсоюзов сообщает, что в фельетоне «Эстетические развалины» (№ 20) правильно критиковалась турбаза и ее филиал на «Столбах». Уже в этом году начнется строительство двухэтажного дома для туристов. База приведена в порядок.

Из Новосибирской области. «Ты, Крокодил, прав! — пишет секретарь Татарского горкома партии Крупин. — На территории лесоторгового склада долгое время лежали силосные комбайны (см. Крокодил № 17). Сейчас они отправлены в адрес хозяина — Кыштовской РТС».

Из Саратова. Зарисовка художника А. Крылова «Саратовские страдания» (№ 19) была обсуждена на бюро горкома. В настоящее время на линии, соединяющей центр с заводом синтетического спирта, увеличено количество автобусов. Скоро до завода будет ходить трамвай.

ПЯТЬ НА ВСЮ МОСКВУ!

— Посмотри сюда, Крокодил. Этот ответ ты давно ждал. Из Москуппромторга. По фельетону «Товароеды» (№ 21). Директор Хромов и секретарь парторганизации Староверов признают и факты плохой работы «скупок» и злоупотребления товароведов.

— Любопытно. Читай поскорее дальше.

— Товароведы Палеолог, Нистратова, Принцман, Али привлечены к уголовной ответственности. Главное управление торговли освободило от работы заместителя директора торгового Коваленко. Директору базы скупки Маргасюку и заместителю начальника торгово-инспекторского отдела Родину объявлены выговоры.

— А что с самими «скупками»?

— Разработан план укрупнения «скупок». В этом году в Москве будет открыто пять магазинов покупки-продажи товаров у населения.

— Пять на всю Москву! — удивился Крокодил. — Не мало ли? И потом: нужно немедленно перестроить по типу комиссионных магазинов всю систему «скупок». И не только в Москве! Напомни, Штемпелюк, Министерству торговли, что мои читатели ждут от него ответа на фельетон. Может быть, телеграмму для быстроты послать?

Штемпелюк отправился на телеграф, а Крокодил снова принялся за почту. Рабочий день редакции продолжался...

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Центростремительная сила.

КЕЛЛОВЕЙ ИЛИ БАТ?

Недавно нам довелось ознакомиться со стихами И. Юрченко. Автор, видимо, краем уха подслушал где-то разговор геологов и горняков с Курской магнитной аномалии. Производственная терминология так поразила поэтически настроенную душу Юрченко, что он тут же взялся за перо и создал «Дорогу к руде»:

Мы прошли сеноман, неоком,
В келловей зарезаемся...
Впрочем,
Вам словарь этот мало
знаком,
Разъяснить его надо попроще.

Уразумев, что стихи обычно читают без помощи полного собрания всех томов Большой Советской Энциклопедии, и пообещав все «разъяснить попроще», автор тут же заставляет читателей идти в справочную библиотеку или звонить министру геологии:

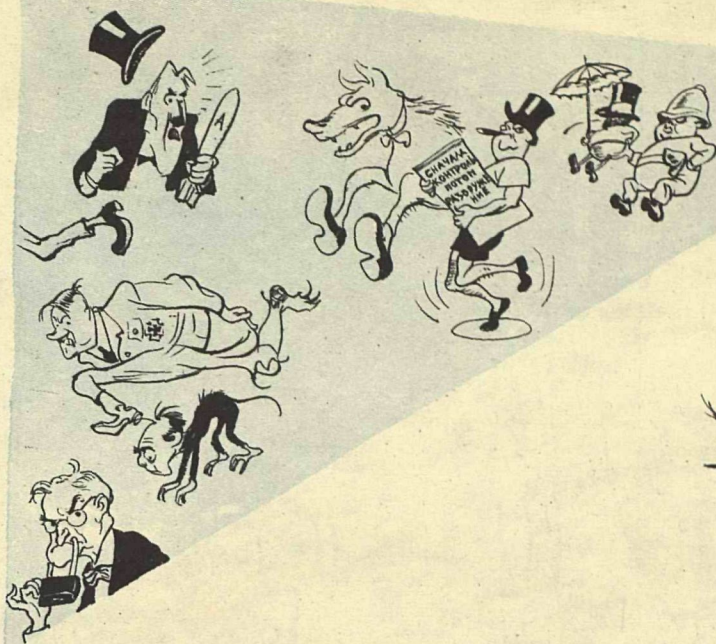
Что внизу?
Келловей
Или бат?

В общем, не сумел автор сдержать только что данного слова! Рифмованная технология геологоразведочных работ прельстила редакцию курской газеты «Молодая гвардия», и она стихи напечатала.

Вот мы и хотели бы в упор спросить редактора этой газеты: — Так как же, товарищ Горбатов, келловей или бат?

Т. ПРОНИН,
М. БОРИСОВ

с. Мальцево,
Курская область.

КУКРЫНИКСЫ-60

Шарж КУКРЫНИКСЫ.

Борис Ефимович ЕФИМОВ

К шестидесятилетию со дня рождения

ПОЭТ

И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ему наскучил стиль «ампир».
Сказав: «К чему мне эта
бренность!»,—
Он кресла модные купил
И погрузился в современность.

Юрий НИКОЛЬСКИЙ

г. Рига.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Мне рядом с женою сидеть было тяжело в виду ее легкого поведения».

(Из заявления).

«Парень в сером пальто меня ударил по фигуре».

(Из протокола).

«Вы не могли знать о принятых нами мерах. Товарищ Рудакова давно уже получила новую шасси для своего ребенка».

(Из письма в редакцию)

«Прошу извинения за неприятность, которую по нашей вине Вы получили через карамель нашего комбината».

(Из письма в редакцию).

«За похищенную подсудимыми Семашко и Белешовым сумму колхоз мог бы вполне выстроить хороший объект общественного пользования, имея в виду коровник».

(Из обвинительной речи прокурора).

«Гражданка Петрова не хочет охранять зеленые насаждения, когда ее куры роют мне ямы, особенно рыжий петух, которого она зарезала».

(Из жалобы).

«Вызовите и хорошенько попугайте моего мужа, чтоб он знал, как носить домой получку».

Собрали и записали О. РЫБЕНКОВ, А. АСТАНЧУК, Н. ЛЕСНОЙ, Ю. ПРОХАНОВ, Т. БОБРОВА.

ШЕРСТЬ ДЫБОМ

Перед нами один из недавно вышедших номеров газеты «Болховская коммуна» (Орловской области). Объявление в аккуратной рамке:

Артель «Соцтруд» производит пробивку шерсти всем гражданам ежедневно с 8 часов утра до 17 часов вечера. Обращаться по адресу: Левонабережная, дом 53.

ПРАВЛЕНИЕ

Судя по тому, что подпись зам. редактора А. Гладких отделена от объявления толстой чертой, лично он обращаться в страшную артель не намеревается.

Как-то раз принес Евсей в стол находок сто рублей.

Стали все его хвалить, стали громко говорить, что Евсей правдивый, честный, удивительный, прелестный, что такой он и сякой, и вообще — почти герой. А наутро все газеты напечатали портреты: «Честный труженик Евсей, возвративший сто рублей».

Тут ему за счет артели дали отпуск две недели, и путевку, и билет, и устроили банкет. Говорили речи, тосты, пили — загляденье просто, пил Евсей, глотал герой и закусывал икрой.

И редактор стенгазеты сочинял в углу куплеты, чтоб на следующий день выдать экстрэ-бюллетень. Шли по улице Евсея провожать артелью всею, восклицали: — Вот Евсей, не украшавший ста рублей! Все героя дня качали и «ура» ему кричали.

Не кричал один Евсей. Знал Евсей, что сто рублей, хоть весь город обойдешь, на дороге не найдешь.

Тут конец балладе сей... Хитрый парень был Евсей!

А. КИРНОСОВ

г. Ленинград.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й.

Издательство «Правда».

Адрес редакци: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 06436. Изд. № 1371. Подписано к печати 26/IX 1960 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 2585. Тираж 1 400 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Настольные игры

29 СЕН 1960

Шрифт

